

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-7440-2026-3-26-30

Дата принятия рукописи в печать: 03.09.2026 г.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
*доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
e-mail: mail@law-books.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ VS ЮРИСТ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В статье исследуются функциональные возможности и юридические пределы применения систем искусственного интеллекта (ИИ) в российском судопроизводстве. Актуальность темы обусловлена переходом от электронного документооборота к интеллектуальной обработке судебных данных, началом в 2026 г. пилотирования ИИ-платформ в федеральных судах и необходимостью определить допустимую степень алгоритмического участия в подготовке судебных актов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; судопроизводство; электронное правосудие; судебское усмотрение; судебный представитель; доказательства; ответственность.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
*Doctor of Law, Professor, Department of State-Legal
and Criminal-Law Disciplines
Plekhanov Russian University of Economics*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE VS. LAWYERS: THE POSSIBILITY AND LIMITS OF APPLICATION OF AI IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

Annotation. This article examines the functional capabilities and legal limits of the application of artificial intelligence (AI) systems in Russian legal proceedings. The relevance of this topic is determined by the transition from electronic document management to intelligent processing of judicial data, the start of piloting AI platforms in federal courts in 2026, and the need to determine the permissible degree of algorithmic participation in the preparation of judicial decisions.

Key words: artificial intelligence; legal proceedings; e-justice; judicial discretion; judicial representative; evidence; responsibility.

Все возрастающая роль искусственного интеллекта в различных сферах деятельности человека уже не может рассматриваться как исключительно технологический феномен. Системы машинного обучения, интеллектуальный поиск и автоматизированная обработка документов становятся элементами юридической инфраструктуры, меняя способы подготовки правовых позиций, организации судебного делопроизводства и анализа судебной практики. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта исходит из необходимости широкого внедрения соответствующих технологий при одновременном обеспечении безопасности, защиты прав и доверия к их использованию. [7]

Технологическая готовность рынка подтверждается появлением специализированных юридических систем. В ноябре 2025 г. Yandex B2B Tech сообщила о запуске «Нейроюриста», предназначенного для правового исследования, работы с пользовательскими файлами и формирования ответов со ссылками на нормы и судебную практику. По данным разработчика, в ходе пилота 86% более чем 10 тыс. ответов получили положительную оценку юристов, а потенциальный охват автоматизируемых задач оценивался до 40% текущей работы специалиста. [8] Эти показатели важны не как доказательство возможности заменить профессионала, а как свидетельство перехода юридического ИИ из экспериментальной в прикладную фазу.

Судебная система также перешла к практическому тестированию. 26 мая 2026 г. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации (далее - ВС РФ) и его Информационно-аналитический центр объявили о пилотном проекте в федеральных судах десяти субъектов Российской Федерации. Первоначальные задачи включают преобразование аудиозаписей заседаний в текст и определение иных функциональных направлений использования ИИ в служебной деятельности. [9] 27 мая 2026 г. ВС РФ сообщил о первом общероссийском обобщении практики по делам, связанным с ИИ, включая признание доказательствами документов и заключений, сформированных ИИ, и обжалование судебных актов по мотиву использования судьей ИИ-инструментов. [10] Таким образом, вопрос о границах применения ИИ перестал быть отвлеченным прогнозом и приобрел характер актуальной процессуально-правовой задачи.

Для правового анализа принципиально различать электронное правосудие и искусственный интеллект. Электронная подача документов, видеоконференц-связь, автоматическое извещение, размещение судебных актов и ведение Картотеки судебных дел изменяют форму совершения процессуальных действий, но сами по себе не предполагают машинного формирования юридических выводов. Интеллектуальная система, напротив, способна классифицировать факты, выявлять связи, ранжировать правовые источники, резюмировать материалы, прогнозировать исход и генерировать текст. Тем самым она вторгается в когнитивный контур правоприменения.

Российская доктрина обоснованно проводит различие между цифровизацией процессуальной инфраструктуры и цифровизацией правосудия как содержательной деятельности. В первом случае технология воспроизводит традиционное действие в иной форме; во втором — участвует в исследовании фактов, толковании права или подготовке юридически значимого решения. [1; 3] Такое разграничение позволяет избежать двух крайностей: объявлять любой программный модуль «искусственным интеллектом» либо, наоборот, маскировать под техническую автоматизацию системы, способные влиять на судебный вывод.

Особенность судопроизводства (особенное арбитражного) состоит в структурированности значительной части данных. Реквизиты договоров, платежей, счетов, актов, корпоративных решений, требований кредиторов и сведений реестров подаются машинному извлечению и сопоставлению. Суд устанавливает действительную общую волю сторон, оценивает добросовестность поведения, взаимосвязанность сделок, экономическую цель, соразмерность обеспечительных мер и последствия злоупотребления правом.

Поэтому вопрос «может ли ИИ заменить юриста» должен быть преобразован в более точный: какие элементы профессиональной функции допускают делегирование, при каких гарантиях и кто

несет ответственность за итог. Замена человека может происходить скрыто — через чрезмерное доверие к рейтингу, машинному резюме или проекту решения.

Наименее конфликтной сферой является автоматизация операций, не затрагивающих разрешение дела по существу. К ней относятся распознавание и классификация поступивших документов, проверка комплектности приложений, извлечение реквизитов, автоматическое обезличивание, перевод, календарный контроль сроков, поиск технических ошибок. Такие решения способны уменьшить нагрузку аппарата суда и ускорить движение дела.

Однако даже в этой сфере необходимы оговорки. Ошибка классификации может повлечь неправильную регистрацию документа; дефект распознавания — искажение протокола; алгоритмическая маршрутизация — нарушение правил распределения дел. Поэтому «техническая» функция остается процессуально значимой, если ее результат влияет на доступ к суду, состав суда. Должны сохраняться возможность ручной коррекции и понятный канал сообщения об ошибке.

Пилот 2026 г., ориентированный прежде всего на расшифровку аудиозаписей, соответствует принципу постепенного внедрения: система сначала применяется там, где результат может быть сопоставлен с первичным источником. Но машинная стенограмма не должна приобретать большой доказательственный вес, чем аудиозапись; при расхождении приоритет должен принадлежать первичному носителю и проверке человеком.

Следующий уровень — интеллектуальная поддержка судьи. В июне 2026 г. Председатель ВС РФ обозначил именно такие ориентиры: оперативный анализ материалов дел и проверку текстов судебных актов на соответствие позициям высшей судебной инстанции при сохранении ответственности за итоговое решение за судьей. [11]

Данный функционал способен повысить качество судебного менеджмента, особенно в многоэпизодных банкротных и корпоративных спорах. Но аналитический помощник становится опасным, когда поиск незаметно превращается в ранжирование «правильных» решений, а резюме — в фильтр, через который судья воспринимает доказательства. Модель может исключить редкое, но юридически значимое обстоятельство, переоценить частотную практику либо воспроизвести устаревший подход. Поэтому судья обязан обращаться к первичным материалам и источникам права, а машинный вывод не может подменять непосредственное исследование доказательств.

Проект судебного акта, созданный ИИ, допустим лишь как черновик. Его использование требует проверки каждого фактического утверждения, ссылки и вывода. Судья должен быть способен самостоятельно воспроизвести мотивировку и отвечать за нее как за собственное решение. Если без машинного текста мотивы не могут быть объяснены, человеческий контроль является формальным,

а не содержательным.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что правосудие осуществляется только судом, судьи независимы и подчиняются Конституции Российской Федерации и федеральному закону, а судопроизводство строится на состязательности и равноправии сторон (статьи 46, 118, 120, 123). Из этого следует не только институциональный запрет передачи судебной власти частной организации, но и персональный характер функции разрешения спора. ИИ не обладает статусом судьи, гарантиями независимости, обязанностью соблюдать тайну совещания, дисциплинарной ответственностью и способностью нести публичную ответственность за решение.

Формула «решение остается за судьей» должна пониматься содержательно. Он должен самостоятельно оценить доказательства, сформировать внутреннее убеждение, проверить применимость нормы и быть способен объяснить причинную связь между установленными обстоятельствами и выводом. Система может расширять информационные возможности судьи, но не создавать обязательную презумпцию правильности машинной рекомендации.

Суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. [12] Из этого следует, что алгоритмический рейтинг достоверности, вероятности фальсификации или «силы» позиции не может иметь обязательного значения.

ИИ может помогать обнаруживать несоответствия: различия метаданных, повторяющиеся фрагменты, аномалии бухгалтерских записей, несогласованность дат. Но окончательная оценка требует учета способа получения доказательства, объяснений сторон, контекста делового оборота и совокупности материалов. Модель не наблюдает поведение участника в заседании, не обладает процессуальной интуицией и может ошибочно принять редкое, но реальное событие за аномалию.

Документ, созданный с помощью ИИ, не образует нового самостоятельного вида доказательств. Его процессуальный режим определяется содержанием и способом получения: письменное доказательство, заключение специалиста, электронный документ, аудио- или видеозапись. При этом должна быть раскрыта цепочка происхождения: кем поставлена задача, какие данные использованы, какая модель и версия применялись, осуществлялось ли редактирование, можно ли воспроизвести результат. Без такой информации машинный вывод является непроверяемым утверждением.

Материалы судебных дел могут включать персональные данные, коммерческую, банковскую, налоговую и иную охраняемую законом тайну. Федеральный закон «О персональных данных» ограничивает принятие решений, порождающих

юридические последствия, на основании исключительно автоматизированной обработки, допуская исключения при наличии федерального закона или письменного согласия субъекта. [13]

Применение ИИ в суде допустимо только в ведомственном защищенном контуре либо в системе, отвечающей равнозначным требованиям. Запрещенной практикой должно быть введение непубличных материалов дела в общедоступную модель. Следовательно, к судебному ИИ применимы требования не только конфиденциальности, но и целостности, доступности, прослеживаемости и устойчивости к манипуляциям.

Главный прикладной риск генеративных моделей – «галлюцинации»: создание несуществующих судебных актов, цитат и норм либо уверенное изложение устаревшей или неверной позиции. Даже наличие ссылок не гарантирует корректности: ссылка может вести к иному акту, а цитата — не соответствовать источнику.

Для минимизации риска судебный представитель должен соблюдать протокол верификации: проверять существование и актуальность каждого акта по официальному источнику; сопоставлять цитату с полным текстом; отделять факты клиента от машинных предположений; фиксировать редактуру; исключать конфиденциальные данные из внешних запросов; использовать ИИ как средство постановки гипотез, а не как окончательный источник права. В сложных вопросах необходима двойная проверка другим юристом.

ИИ может использоваться и при подготовке экспертных или аналитических заключений. В таком случае в документе следует раскрывать метод, данные и роль модели. Эксперт не вправе подменить собственное исследование автоматическим выводом. Если результат невозможно воспроизвести или объяснить, его доказательственная ценность должна оцениваться критически.

Ответственность за последствия использования ИИ должна распределяться по принципу контролируемой сферы риска. Судья отвечает за содержание подписанного судебного акта и соблюдение процессуальных гарантий. Работник аппарата — за надлежащее выполнение возложенных операций в пределах должностных обязанностей. Представитель — за достоверность и качество представленных суду материалов. Оператор и разработчик — за безопасность, соответствие заявленным характеристикам, документирование и дефекты системы в рамках договорного и специального регулирования.

Недопустимо формировать «разрыв ответственности», когда судья ссылается на систему, поставщик — на неверный запрос, а администратор — на решение пользователя.

Гражданско-правовая ответственность разработчика или оператора возможна, если доказан дефект продукта либо услуги и причинная связь с вредом. Но применительно к отмененному судебному акту первичным механизмом остается про-

цессуальный пересмотр.

На уровне Судебного департамента при ВС РФ необходим единый стандарт закупки и эксплуатации судебного ИИ. Он должен включать оценку воздействия на права, независимое тестирование, перечень разрешенных функций, требования к данным, процедуру обновления, контроль предвзятости, механизм сообщения об инцидентах и периодический аудит. Использование моделей, обученных на судебных данных, должно сопровождаться оценкой репрезентативности и рисков воспроизведения ошибочной практики.

Следует разработать методические рекомендации для судей и представителей. Их ядро должно быть единым: проверять источники, не раскрывать закрытую информацию, понимать ограничения модели, сохранять собственное профессиональное суждение и нести ответственность за конечный документ. При этом рекомендации для судей должны учитывать тайну совещания и недопустимость внешнего влияния, а для адвокатов - адвокатскую тайну и интересы доверителя.

Противопоставление «ИИ vs юрист» методологически полезно лишь как указание на риск подмены; практическая задача состоит в построении устойчивой модели «юрист, усиленный ИИ, но ответственный за результат».

Конституционно допустим только инструментальный статус ИИ. Судебную власть осуществляет судья-человек, который лично исследует доказательства, формирует внутреннее убеждение, мотивирует решение и несет ответственность. Аналогично судебный представитель не может переложить на модель обязанность квалифицированной и добросовестной защиты.

ИИ способен повысить скорость и согласованность работы, но доверие к суду сохраняется лишь тогда, когда решение остается результатом независимого, объяснимого и ответственного человеческого правоприменения.

Список литературы:

[1] Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–23.

[2] Степанов О. А., Басангов Д. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 229–237.

[3] Жеребкина Е. В., Жукова А. И. Цифровая трансформация в гражданском судопроизводстве // Современный ученый. 2024. № 6. С. 366–373.

[4] Дрозд Д. О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 249 с.

[5] Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 152–163.

[6] Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124).

[8] Yandex B2B Tech запустила Нейроюриста // Яндекс. 20 ноября 2025 г. По данным разработчика, система ускоряет поиск и анализ информации и предназначена для выполнения части рутинных юридических задач.

[9] Стартовал пилотный проект по применению искусственного интеллекта в федеральных судах // ФГБУ ИАЦ Судебного департамента. 26 мая 2026 г.

[10] Верховный Суд проведет масштабное обобщение судебной практики по делам, связанным с использованием искусственного интеллекта // Верховный Суд Российской Федерации. 27 мая 2026 г.

[11] Председатель ВС России отметил эффективность внедрения современных IT-решений в судопроизводство // Верховный Суд Российской Федерации. 10 июня 2026 г.

[12] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Ст. 64, 71, 168, 170.

[13] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Ст. 16.

References:

[1] Stepanov O. A., Pechegin D. A., Dyakonova M. O. On the Digitalization of Judicial Activity // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 5. pp. 4–23.

[2] Stepanov O. A., Basangov D. A. On the Prospects of the Impact of Artificial Intelligence on Legal Proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 475. pp. 229–237.

[3] Zherebkina E. V., Zhukova A. I. Digital Transformation in Civil Proceedings // Sovremennyy Scientist. 2024. No. 6. pp. 366–373.

[4] Drozd D. O. Procedural Forms of Using Elements of Artificial Intelligence in Modern Arbitration and Civil Proceedings: Dis. ... Cand. Jurid. sciences. Moscow, 2024. 249 p.

[5] Kurochkin S. A. Digital technologies and the efficiency of justice // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 10. pp. 152–163.

[6] Makutchev A. V. Current possibilities and limits of introducing artificial intelligence into the justice system // Current problems of Russian law. 2022. No. 8.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124).

[8] Yandex B2B Tech launched Neurojurist //

Yandex. November 20, 2025. According to the developer, the system accelerates the search and analysis of information and is designed to perform some routine legal tasks.

[9] A pilot project on the use of artificial intelligence in federal courts has been launched // Federal State Budgetary Institution Information and Analytical Center of the Judicial Department. May 26, 2026.

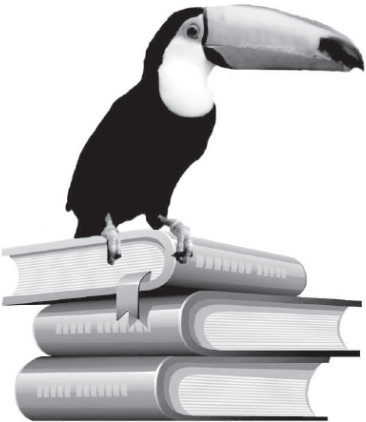
[10] The Supreme Court will conduct a large-scale review of judicial practice in cases related to the use of

artificial intelligence // Supreme Court of the Russian Federation. May 27, 2026.

[11] The Chairman of the Supreme Court of Russia noted the effectiveness of introducing modern IT solutions into legal proceedings // Supreme Court of the Russian Federation. June 10, 2026.

[12] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. Articles 64, 71, 168, 170.

[13] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ «On Personal Data». Article 16.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru